

Е.Р.Михайлова

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПСКОВСКО-НОВГОРОДСКИХ ДЛИННЫХ КУРГАНОВ

E.R.Mikhailova. Study of Pskov-Novgorod Long Barrows: History

The article is dedicated to history of research of the Novgorod long mound burials.

The first evidence about long mound burials dates to 1840s. They became subject to a special research, however, only in 1903, when A.A. Spitsyn related long and prolonged mound burials with the Kriviches of Letopis' (Russian chronicles) and suggested that they should be dated by 9–10 cc.

Ever since, the long barrows in one way or another have been subject of Slavic archaeology. Important landmarks in their research have been placed by the works by N.N. Chernjagin (1941), S.A. Tarakanova (1954), Ya. V. Stankevich (1960), V.V. Sedov (1960, 1974, 1995), M. Aun (1980, 1992). The main problems were: dating the long barrows, their ethnic and cultural belonging, emergence and development of the burial rite.

Parallel to the scientific understanding, intense field works took place, to result in creation of archaeological maps in 1990. Since that time, research of Pskov-Novgorod long barrows has been focused on detailed study of specific microregions.

Начало изучения длинных курганов. Накопление сведений

Первые сведения о погребальных насыпях валообразной формы появились в литературе в 1840-х гг., когда насыпи в виде невысоких валов были изучены Брантом и В.Платером на территории нынешних Себежского и Опочецкого районов Псковской области. В результате этих работ было установлено, что длинные курганы содержат по несколько захоронений по обряду трупосожжения на стороне, часть из которых помещалась в урны. Эти курганы были отнесены раскопщиками к памятникам славянского населения, а сходные с ними по устройству насыпи круглой формы были объявлены захоронениями древних латышей и литовцев (Седов 1974: 5). Одновременно эстонский просветитель Фр.Крейцвальд впервые исследовал курганные могильники Юго-Восточной Эстонии, отметив их внешнее сходство с ливскими курганами.

Позднее, в конце XIX — начале XX вв., раскопки длинных курганов становятся более масштабными, такие насыпи изучаются в различных регионах. К этому же времени относится и начало целенаправленных археологических разведок, в ходе которых подробно фиксировались памятники обширных территорий.

В 1880-х гг. профессор Дерптского университета Г.Лешке исследует курганы с трупосожжениями в Юго-Восточной Эстонии, в Лобенштейне (совр. Лоози) и Нейгаузене (Вастселийна). В конце XIX в. по инициативе эстонского археолога-любителя Я.Юнга было произведено первое описание археологических памятников на всей

территории Эстонии. В результате этого описания Я.Юнгом и его корреспондентами были зарегистрированы многие курганные могильники в Восточной Эстонии — одном из важнейших для изучения КДК регионов (Аун 1980а: 4).

В 1899 г. Н.И.Веселовский и А.А.Спицын обратились в Русское Археологическое общество с запиской, в которой предлагалась программа изучения древних курганов в Псковской и Новгородской губерниях. Программа была принята Обществом, и ее непосредственным результатом стали работы Н.К.Рериха и В.Н.Глазова — как раскопки курганов, так и обследования значительных территорий.

Н.К.Рерих в 1902 г. проводил полевые исследования на территории Деревской и Бежецкой пятин Великого Новгорода. На территории Боровичского уезда Новгородской губ. им было выявлено несколько курганных групп с насыпями, содержащими трупосожжения, в которых он тогда же раскопал около 20 курганов (на берегах озер Крюково, Люто, Пелавино, на Окуловском озере) (Рерих 1903). Работы В.Н.Глазова в 1900–1902 гг. сосредоточились в бассейнах Великой, Ловати и Мсты, где он раскопал несколько десятков разновременных насыпей, в том числе длинных и круглых курганов с сожжениями (Глазов 1903а, 1904).

Накопление сведений побудило А.А.Спицына выступить с обобщением имеющихся материалов, первоначально в известных «Обзрениях некоторых губерний в археологическом

отношении», а позднее в специальной статье (1897; 1899б; 1903а). Исходя из установившихся (и им самим обоснованных) представлений о расселении восточнославянских племен на территории Русской равнины, исследователь однозначно связал длинные курганы с кривичами, «так как вне области кривичей длинных курганов не найдено».

А.А.Спицын предложил четко различать отдельные разновидности этих насыпей: удлиненные, часто с крутыми склонами, и валообразные, зачастую расплывчатые. Такое разделение основывалось не только на внешнем облике курганов, здесь присутствовал и территориально-хронологический аспект, практически утраченный в позднейшей литературе. К моменту написания статьи «удлиненные» курганы раскапывались и были известны преимущественно на территории Смоленской губернии и Торопецкого уезда — «в стране западных кривичей». Отметив их близость к «типам предполагаемых литовских курганов VIII–IX вв.» и вещам из Люцинского могильника, мэтр указал на невозможность датировать такие курганы временем ранее IX в.

От удлиненных курганов предлагалось отличать длинные, «от 5 до 60 саж. длиной». Опираясь в первую очередь на материалы раскопок Глазова в Псковской губ., Спицын отметил единство длинных и круглых курганов, заключающееся в их устойчивой топографической связи, наличии комбинированных (из длинных и круглых частей) насыпей, сходстве внутреннего устройства и керамики, одинаковой бедности вещами. «На основании изложенного, не может быть никаких сомнений, что длинные псковские курганы принадлежат той же народности, как и древнейшие местные курганы обычной круглой формы, т. е. западным кривичам X в.» (Спицын 1903а: 198). Таким образом, предложенная А.А.Спицыным в 1903 г. датировка напрямую исходила из априорного утверждения о принадлежности длинных курганов известной по летописи раннесредневековой общности.

Предложенное Спицыным различие удлиненных и длинных насыпей проводится большинством археологов до сих пор (хотя зачастую лишь по формальному признаку), и до сих пор большинство исследователей разделяет убеждение главы Императорской Археологической Комиссии о необходимости отождествления этой группы древностей с кривичами (с теми или иными уточнениями о смысле самого этнонима).

Вообще, изыскания А.А.Спицына составили в области рассматриваемой здесь проблемы, как и во многих других разделах отечественной археологии, целую эпоху. К рассмотрению вопросов, связанных с длинными и удлиненными курганами, выдающийся русский исследователь возвращался неоднократно.

Годы перед Первой мировой войной оказались чрезвычайно плодотворными для архео-

логических исследований. Сам А.А.Спицын вел в 1910 г. раскопки курганного кладбища у д.Замосье Лужского уезда, раскопав здесь 14 насыпей с разнотипными и разновременными захоронениями, в том числе 2 длинных кургана (Спицын 1914: 88–93). Его ученик А.В.Тищенко исследовал курганы у д.Ловница и с.Березовый Рядок на Мсте (Тищенко 1914а). П.А.Садиков и П.Р.Любомиров вели исследования курганных древностей в бассейне Полы, на территории современного Демянского р-на Новгородской области (Липицы, Обрынь, Подсосонье) (Памятники ...Новгородской области 1999: 72).

Параллельно с работами в северных регионах шли исследования длинных курганов на Смоленщине (раскопки В.И.Сизова и И.С.Абрамова). Тогдашний уровень знаний не позволял разделить две большие соседние области, в каждой из которых встречались сходные внешне насыпи, резко отличающиеся по своему облику от погребальных памятников других областей.

Весьма неоднозначными оказались результаты исследований длинных курганов С.С.Гамченко. В 1908 г. он раскопал 17 насыпей (с трупосождениями и «пустых») в нескольких группах у д.Сытенки близ г.Луги. Эти работы были проведены по предложению А.А.Спицына непосредственно вслед за окончанием работ С.С.Гамченко в окрестностях Сестрорецка с целью сравнения лужских насыпей с сестрорецкими (Гамченко 1913а, 1913б: 163). Необходимо отметить, что свои раскопки С.С.Гамченко вел на высоком методическом уровне: его публикация материалов включает в себя подробный географический и археологический обзор местности, детальное описание и классификацию курганов. Раскопки велись преимущественно послонным снятием всей насыпи со вскрытием заполнения ровика и последующим контрольным прокапыванием материка. Однако, в отличие от сытенских курганов, насыпи, исследованные С.С.Гамченко в районе Сестрорецка и Белоострова с применением той же методики (и, по мнению, самого исследователя, с теми же результатами), с самого начала вызвали недоумение коллег и предположения, что речь идет отнюдь не о погребальных памятниках.

В 1990-х гг. насыпи в районе Сестрорецкого Разлива вновь изучались П.Е.Сорокиным. Радиоуглеродная датировка трех образцов из насыпей группы Сосновой Горы показала, что они относятся к XVIII — началу XX в., что позволило связать их с углежогными сооружениями Сестрорецкого завода (Сорокин 1998: 265–266). Это мнение сейчас разделяется абсолютным большинством исследователей (см.: Лапшин 1995: 177), хотя есть некоторые косвенные данные о наличии на территории Курортного района Петербурга и средневековых курганов.

Материалы исследований С.С.Гамченко вкупе с неясными сведениями о наличии удлиненных курганов под Муромом заставили А.А.Спи-

цына связать длинные курганы с финским населением Восточной Европы (Труды IV съезда в Костроме 1914: XLVI–XLVIII), хотя позднее он отказался от этой точки зрения.

Важным стимулом для углубленного изучения археологических памятников Псковской земли, в том числе и длинных курганов, оказались мероприятия, связанные с подготовкой XVI Археологического съезда во Пскове. В 1911 г. в Пскове побывал А.А.Спицын, выступивший с публичной лекцией о прошлом Псковской земли, содержащей программу ее археологического изучения. Вслед за ним, с целью организации комитета по устройству Археологического съезда в Псков приехала гр. П.С.Уварова.

В течение 1912–1913 гг. в Псковской губернии

велись интенсивные археологические исследования, в которых участвовали В.Н.Крейтон, В.В.Гольмстен, Г.К.Линдеман, П.С.Рыков, Д.Н.Эдинг, С.Г.Пархоменко. Эти исследователи осмотрели и описали значительное число археологических памятников на побережье Псковского озера, в нижнем течении Великой, в Псковском, Островском и Опочечском уездах Псковской губернии (Крейтон 1914). Одним из важных результатов этих исследований явилось издание материалов для поныне актуальной археологической карты Псковской губернии, подготовленное Н.Ф.Окулич-Казариным на основании как работ специалистов–археологов, так и по сведениям опросных листов, около 10 000 которых было разослано представителям местной администрации и интеллигенции (Окулич-Казарин 1914).

Исследования длинных курганов в период между Мировыми войнами

После Первой мировой войны объем раскопочных исследований повсюду в Восточной Европе резко сократился, основной упор в полевых изысканиях этого времени пришелся на разведочные работы, фиксацию и обследование памятников, главным образом с целью их учета и постановки на охрану.

В России в 1924 г. был принят декрет ВЦИК и СНК «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы». На основании этого декрета Академия истории материальной культуры приступила к археологическому обследованию РСФСР. Работа была направлена на учет всех литературных, архивных и музейных источников, полевое обследование памятников и их регистрацию, сбор сведений о причинах разрушения памятников и подготовку мероприятий по их охране.

На территории Ленинградской области (в то время включавшей в себя практически всю Северо-Западную Россию) эти работы вела Комиссия по учету памятников Ленинградской области под руководством П.П.Ефименко. Под ее эгидой палеоэтнологическое обследование проводили В.С.Андряшев в Боровичском районе, Г.П.Гроздилов, Н.Н.Чернягин и П.Н.Шульц — в Гдовском и Лужском районах, Н.В.Иванов — в Гдовском районе, А.А.Иессен — в Лужском и Кингисеппском районах, С.Н.Поршняков — в Холмском районе, Б.А.Койшевский и Н.Н.Чернягин — в Середкинском районе, А.А.Спицын и Б.В.Сивицкий — в Себежском районе, П.Н.Третьяков — в Верхневолжье (Гроздилов, Чернягин А-1927; Шульц, Гроздилов А-1927; Иессен А-1927; Андряшев А-1928; Иванов А-1928; Поршняков 1928; Койшевский 1928; Койшевский, Чернягин А-1929). Аналогичную работу по выявлению и учету погребальных памятников Смоленщины и Северной Белоруссии провел А.Н.Лявданский (1930а, 1930б, 1930в). Одновременно ведутся интенсивные археологические работы на территории Эстонии (О.Ургант, Л.Зуров, Х.Моора,

А.Вассар) и Латвии (Ф.Балодис) (Аун 1992: 7; Седов 1974: 7).

Исследователи 1920–1930-х гг. в России и Прибалтике начинают раскапывать насыпи целиком, на снос, что резко увеличило как объем, так и качество получаемой при раскопках информации. Так, Н.Н.Чернягин провел интереснейшие раскопки серии курганных могильников на территории нынешних Гдовского и Псковского районов Псковской области (Чернягин А-1938, А-1939, А-1940). К сожалению, результаты этих раскопок так и не были опубликованы, а найденные в курганах вещи утрачены во время войны.

Результаты полевых работ 1930-х гг. позволили перейти от учета разрозненных сведений к серьезным, масштабным обобщениям, в том числе и к составлению первой карты рассматриваемого типа древностей.

Летом 1941 г. вышла в свет работа Н.Н.Чернягина «Длинные курганы и сопки (археологическая карта)» с обобщением накопленных к тому времени данных об этих погребальных памятниках. Цель своей публикации автор определял скромно: «Настоящая карта имеет целью дать уточненную схему распространения сопок и длинных курганов на основе литературных и архивных источников, в том числе данных археологических разведок последних лет». Н.Н.Чернягину удалось на основании материалов разведок 1927 — нач. 1930-х гг., сведений, содержащихся в публикациях и архивах, а также сообщенных ему коллегами, создать археологическую карту, включающую 526 пунктов, где известны сопки или длинные курганы. Составленная в 1930-х гг. карта охватывала территорию Северо-Запада СССР в границах до 1940 г. (т.е. не включала Латвию и Эстонию) и отражала тогдашнюю степень изученности тех или иных регионов, что отчасти сказалось на выводе самого Н.Н.Чернягина: «Подытоживая имеющийся материал, настоящая карта определя-

ет длинные курганы и сопки как географически обособленные один от другого типы могильных памятников. Район распространения длинных курганов — старая кривичская земля, за пределами которой они не встречаются, время же их VI–IX вв. Эти данные так же, как единообразие их устройства и материальной культуры, говорят о том, что принадлежность длинных курганов кривичам и полочанам Начальной летописи представляется наиболее вероятной» (Чернягин 1941: 99).

Одновременно Н.Н.Чернягин дал четкую общую характеристику той группе погребальных древностей, наиболее заметным элементом которой являются длинные насыпи: «Под длинными курганами подразумеваются нами не только валообразные насыпи, но и постоянные их спутники — удлинённые, четырехугольные в плане, длинные, комбинированные с круглыми и серповидные. На карте, кроме могильников, в которых имеются длинные курганы, нанесено также несколько могильников, состоящих из одних круглых курганов, но по данным раскопок родственных и синхроничных длинным. <...>

Длинные курганы в подавляющем большинстве случаев не составляют отдельных групп, а рассеяны по могильникам среди обыкновенных круглых курганов. Численность их, по сравнению с последними, очень мала. В то же время по устройству и признакам обрядности погребений

между теми и другими нет заметного различия. Наконец, существование длинных курганов, слитых с круглыми, и общий вид погребального инвентаря говорит о том, что длинные курганы, как и удлинённые, четырехугольные, серповидные и т. д. представляют собой лишь различные формы коллективных курганов, синхроничные и однородные многим круглым. Благодаря своим внешним особенностям они являются своего рода вехами, сигнализирующими о древности и характере могильника, тогда как круглые насыпи своим наружным обликом еще мало что говорят для исследователя.

Могильный инвентарь длинных курганов очень беден. Немногочисленные комплексы вещей имеют многие аналогии с инвентарем литовских курганов с трупосожжениями, датируемым VI–VIII вв., и вещами ряда кладов того же времени, найденных в области Среднего Поднепровья» (Чернягин 1941: 94–95).

Выводы Чернягина, касающиеся датировки и распространения длинных курганов и сопки, были положительно восприняты другими исследователями. Так, в том же томе «Материалов и исследований по археологии СССР» была опубликована статья П.Н.Третьякова «Северные восточнославянские племена», в которой автор, опираясь именно на карту Н.Н.Чернягина, уверенно связывал длинные курганы с кривичами (Третьяков 1941: 39).

Работы 1940–1960-х гг.

Послевоенный период изучения культуры длинных курганов отмечен несколькими важными чертами. Во-первых, раскопки курганов полностью, «на снос» становятся общепринятой исследовательской практикой, что существенно дополняет и уточняет прежние представления о внутреннем строении насыпей. И во-вторых, что не менее важно, погребальные древности начинают изучаться вместе с поселенческими, в рамках конкретного комплекта памятников или целого региона. Культура длинных курганов перестает быть односторонним набором погребальных насыпей.

В 1945 г. начинается исследование Псковской земли С.А.Тараканова. Возглавляемая ею Псковская экспедиция ИИМК АН СССР проработала в Пскове и Псковской области до 1952 г. Помимо раскопок Псковского городища, был обследован и раскопан целый ряд городищ и курганных групп: Камно, Врев, Северик, Пески, Рябиниха, Романово, Горушка, Грядище (Совий Бор) и др. (Тараканова 1950, 1951, 1956, 1959).

Результаты этих работ послужили основой сформулированной С.А.Таракановой схемы развития кривичских древностей (Тараканова 1954). Основной предпосылкой ее подхода, как в полевых исследованиях, так и в последующих интерпретациях, была подразумеваемая заранее связь этих памятников с летописной общ-

ностью. Вслед за А.А.Спицыным исследовательница предложила различать длинные и удлинённые курганы, однако в основу этого различия она положила не территориально-хронологические отличия, а сугубо формальный признак — геометрическую форму насыпи: «...Кроме длинных, часто в одних и тех же курганных группах встречаются насыпи иной формы: овальные, четырехугольные, иногда квадратные в плане. Есть курганы неправильных очертаний. <...> Все они могут быть объединены, в отличие от длинных курганов, в одну группу под названием “удлинённые курганы”» (Тараканова 1954: 83–84).

Такой подход к изучаемой группе древностей обусловил довольно резкую критику С.А.Таракановой археологической карты, составленной Н.Н.Чернягиным. Ее основное возражение — недопустимость смешения длинных, удлинённых и круглых курганов с трупосожжением в единую группу древностей. Еще один ее упрек — неточно проведенные Н.Н.Чернягиным северная и западная границы распространения длинных и удлинённых насыпей. Речь при этом идет о так называемых сестрорецких курганах к северу от рассматриваемой территории и курганах Юго-Восточной Эстонии. Однако хронология и назначение насыпей, изучавшихся С.С.Гамченко на Карельском перешейке, дискусионны (сам Чернягин называл данные рас-

копок С.С.Гамченко «шаткими» (Чернягин 1941: 98)), а курганы Западного Причудья выходят за территориальные рамки написанной перед войной работы Н.Н.Чернягина.

Одной из главных задач своей работы С.А.Тараканова назвала определение хронологии длинных и удлинённых насыпей, в связи с чем вновь проанализировала накопленный вещевой материал. Справедливо указав на широкое хронологическое и территориальное распространение большинства происходящих из длинных насыпей предметов, исследовательница перечислила типы находок, имеющие, по ее мнению, сравнительно узко датируемые аналогии. К ним относятся: одночастные четырехугольные пряжки, фибулы с выемчатой эмалью из смоленских длинных курганов, бляшки-скорлупки и «запонки» и обломок блоковидного огнива. По мнению С.А.Таракановой, все эти вещи датируются «в пределах I–VI вв. н. э.» (Тараканова 1954: 101–106). Дополнительным подтверждением ранней датировки служит сходство керамики из длинных курганов с керамикой из нижних слоев Псковского городища (датированных ею первыми веками нашей эры) и усматриваемое С.А.Таракановой вслед за П.Н.Третьяковым определенное сходство погребальной обрядности длинных курганов со среднеднепровскими и центрально-европейскими «полями погребальных урн».

Исходя из всего этого, исследовательница предложила отнести возникновение валообразных насыпей к началу определенного ею периода («II–III вв. н. э., а может быть и несколько ранее»), а прекращение захоронений в них — к середине I тыс. н. э. Удлиненные курганы (т. е. все «фигурные» насыпи), по мысли С.А.Таракановой, являются непосредственными преемниками длинных. Она усматривает в удлиненных насыпях следующую стадию развития погребального обряда: «длинные курганы являются коллективными усыпальницами, восходящими еще к эпохе первобытно-родового строя: обычно они содержат по несколько погребений с трупосожжением. <...> Удлиненные курганы, как правило, имеют по одному захоронению с трупосожжением... Эти памятники относятся уже к периоду окончательного разложения первобытнообщинного строя» (Тараканова 1954: 84, 86). Как дополнительное подтверждение позднейшей, по сравнению с валообразными, датировки удлиненных насыпей С.А.Тараканова привела пряжки с гладкой В-образной рамкой из курганов у д. Липицы, датированные ею V–VI вв.

В целом, концепция С.А.Таракановой ярко демонстрирует вторичность, почти иллюстративность археологического материала в построениях автора. Предложенная ею типология погребальных памятников хорошо иллюстрирует принятую в то время схему социально-экономического развития восточнославянско-

го общества (см., напр.: Греков 1939 (с приведенным здесь обширным иллюстративным археологическим материалом); Третьяков 1953). В рамках такого подхода неоправданно значительное удревание нижней даты длинных курганов является логичным шагом при наложении на материал заданной схемы. Вследствие своей схематичности, во многом противоречащей конкретным археологическим фактам, построения С.А.Таракановой не нашли сочувственного отклика в историографии. Использование ее обобщающей статьи в последующей литературе, как правило, ограничено критикой хронологических выводов исследовательницы (ср.: Седов 1974: 8).

Одновременно с работами Псковской экспедиции, в 1949–1954 гг. большие систематические исследования в бассейне верхнего течения Западной Двины, на территории тогдашней Великолукской области проводила Я.В.Станкевич. В результате разведок ею было выявлено свыше 200 разнохарактерных памятников I тысячелетия н.э. (Станкевич 1960: рис. 1), значительная часть которых связывается с длинными курганами. Важно отметить, что, пожалуй, впервые, помимо погребальных древностей, широко раскапывались топографически и культурно связанные с ними поселения — как городища, так и селища (Станкевич 1960: 95–130), при этом изученные в данном регионе древности псковских длинных курганов были поставлены исследовательницей в широкий хронологический и культурный контекст.

Опираясь на итоги своих работ, Я.В.Станкевич высказала собственное мнение о принадлежности и хронологии рассматриваемого типа памятников. Она также связала могильники с длинными курганами и соответствующие им поселения с развитием и распространением на соответствующей территории славянской культуры в V–VII вв., отметив культурную близость западно-двинских памятников синхронным и более ранним верхне- и среднеднепровским, а также наличие восточно-прибалтийских элементов, наиболее ярко выраженных в южной группе поселений исследованного ею региона (Михайловское, Полибино) (Станкевич 1958: 46–47).

1950-е гг. отмечены исследованиями многих важных памятников, преимущественно на территории Псковской области. Так, в 1953 г. Г.П.Гроздилов провел раскопки у д. Лезги близ Изборска. Результатом этих работ стало как исследование курганного некрополя с трупосожжениями и впускными древнерусскими труположениями, так и открытие непосредственно связанной с курганной группой селища второй половины I тыс. (Гроздилов 1965: 77–88).

В 1960 г. вышла в свет статья В.В.Седова, где он, в основном опираясь на взгляды А.А.Спицына и Я.В.Станкевич, последовательно развил свою точку зрения на культу-

ру длинных курганов (Седов 1960). С некоторыми коррективами он придерживается этой концепции до сих пор. Необходимо сразу отметить одну терминологическую деталь. «Длинные курганы» в построениях В.В.Седова, в отличие от работ большинства других исследователей, — это именно длинные (валообразные) и удлиненные погребальные насыпи, а не обозначение соответствующей группы древностей (resp. археологической культуры) вообще.

Начиная с этапной статьи 1960 г., В.В.Седов рассматривает длинные курганы Восточной Европы (их псковский, смоленский и полоцкий ареалы) как погребальные памятники летописных кривичей, апеллируя в первую очередь к совпадению области распространения длинных курганов с территорией расселения кривичей, реконструируемой по позднейшим письменным источникам.

Кроме того, по мнению В.В.Седова, четко прослеживается «эволюционная связь длинных курганов с бесспорно кривичскими курганами с трупосожжением», которые, в свою очередь, эволюционируют в круглые курганы с трупоположением XI–XIII вв. Доказывают эту эволюционную связь следующие факты: 1) абсолютное большинство длинных курганов находится в составе могильников, включающих достоверно славянские курганы древнерусского времени; 2) сходны детали погребального обряда длинных и круглых курганов (способы помещения остатков трупосожжения, наличие зольно-угольных прослоек или ритуальных кострищ и др.); 3) керамический материал из длинных и круглых насыпей однороден.

В.В.Седов реконструирует развитие КДК следующим образом. Древнейшими погребальными памятниками летописных кривичей являются длинные курганы, т. е. валообразные и удлиненные в плане насыпи. Их распространение в бассейне Великой и в верховьях Западной Двины отражает процесс колонизации этих земель славянами–кривичами в середине I тыс. н. э. Исходный пункт колонизации нужно искать на западе, возможно, в Повисленье. К этому же процессу расселения кривичей откуда-то из западных областей могут, по мнению В.В.Седова, восходить и специфические особенности псковских говоров, отмечаемые лингвистами.

«Намеченные по материалам длинных курганов VII–IX вв. три локальные группы кривичей — псковская, смоленская и полоцкая в дальнейшем имеют самостоятельное обособленное развитие. Круглые курганы с одиночными трупосожжениями, пришедшие в IX в. на смену длинным курганам, во всех деталях погребального обряда повторяют длинные курганы. <...> В соответствии с археологическим делением кривичей на три локальные группы можно говорить о трех политических объединениях (племенных союзах) кривичей последней четверти I тыс. н. э.: союзе псковских кривичей, союзе

смоленских кривичей и союзе полочан. <...> Что касается псковских кривичей, то они к IX в., судя по летописи, были объединены в один политический союз со словенами и весью, чему не противоречат и археологические материалы».

При определении хронологических границ существования длинных курганов В.В.Седов обращается к подбору аналогий и общим соображениям: «Верхняя дата существования длинных курганов, т. е. время перехода от захоронений в длинных курганах к погребениям в круглых курганах, не вызывает возражений и определяется всеми исследователями концом VIII–IX в.» (Седов 1960: 49), хотя и отмечается, что в отдельных окраинных районах длинные насыпи могли сооружаться и несколько позднее.

Для определения начальной даты сооружения длинных курганов В.В.Седов привлекает предметы, имеющие аналогии в Юго-Восточной Прибалтике (бляшки–скорлупки, колпачкообразные бляшки с широкими закраинами, пинцеты с широкими лопастями, покрытыми гравированным орнаментом, кварцитовое огниво с железным обручем). Их традиционная датировка в эстонских и латвийских материалах и принимается им как определяющая.

В 1966–1970 гг. В.В.Седов начинает обширный цикл полевых исследований в бассейнах Великой и Западной Двины, сосредоточившись первоначально на разведочных обследованиях (Седов 1968, 1971 и др.), а позднее — на стационарных исследованиях Пскова и Изборска (Седов 1972; 1973; 1974 и др.).

Одновременно, с 1965 г., начинаются широкие исследования курганов Северной Белоруссии (на территории Витебской и северной части Минской областей), где Г.В.Штыхову удалось в результате вычленивать среди раннесредневековых курганов с сожжением пласт так называемых ранних длинных курганов, аналогичных псковско-новгородским и лишь позднее сменяющихся смоленскими (Штыхаў 1992: 21–40; 1999).

В 1965 г. М.Шмидехельм и С.Лаул поставили вопрос о соотношении длинных курганов Восточной Эстонии с местными древностями предшествующего времени. Для его решения они предприняли серию раскопок таких памятников, где сооруженные из песка курганы с трупосожжениями сочетались с каменными могильниками (Лоози, Кынну, Пыльгасте). Материалы таких памятников позволили им в очередной раз пересмотреть существующие взгляды на принадлежность длинных курганов на территории Эстонии, приписав их местному прибалтийско-финскому населению (Шмидехельм 1965; Лаул 1974; Schmiedehelm, Laul 1970).

В 1968 г. из печати вышли две работы, во многом определившие основную проблематику исследований раннесредневековых древностей Восточной Европы — свод И.И.Ляпушкина и статья Е.А.Шмидта.

Смоленский археолог Е.А.Шмидт «окончательно и бесповоротно» разделил единый, по мысли прежних исследователей, массив длинных курганов. Он отметил огромный ареал известных на территории Восточной Европы длинных курганов (включая сюда сестрорецкие насыпи) и их явную неоднородность. «Опубликованный материал показывает, что общим для всех этих курганов является обряд трупосожжения и форма земляных насыпей, воздвигнутых над остатками сожжения. Все остальные признаки настолько различны, что закономерно встает вопрос, есть ли основание относить все эти курганы к единому целому? Нам представляется, что достаточных оснований нет... По-видимому, было бы целесообразно заменить общий термин «длинные курганы» территориально-хронологическими наименованиями отдельных культур» (Шмидт 1968: 225). Так в литературе впервые была высказана мысль об **археологических культурах** длинных курганов.

Монография ленинградского исследователя И.И.Ляпушкина была посвящена проблеме выделения славянских древностей в Восточной Европе (Ляпушкин 1968). Критически рассмотрев состояние археологических источников по ранней истории славянства и возможности их увязки с письменными свидетельствами, И.И.Ляпушкин предложил считать древнейшими достоверно славянскими погребальными памятниками невысокие полусферические курганы с трупосожжением. Для выделения этого древнейшего пласта памятников он использовал так называемый ретроспективный метод, подразумевающий сохранение основных черт культуры на протяжении нескольких эпох и тем самым — возможность сконструировать цепочки генетически преемственных культур.

Тот факт, что выделенные в качестве древнейших погребальных памятников славян полусферические курганы с трупосожжением можно обнаружить не только в древностях лесостепи, но и севернее, в лесной полосе Восточной Европы, логично увязывался с мнением автора о культурном единстве восточного славянства накануне образования Древнерусского государства. Все археологические памятники иного облика в связи с этим «выводились за скобки». Применительно к памятникам лесной полосы И.И.Ляпушкин утверждал следующее: «В последние десятилетия среди исследователей довольно прочно укрепилось мнение, что древнейшими известными археологическими памятниками кривичей являются длинные курганы, а словен новгородских — курганы-сопки. Принять эти положения в той общей форме, в которой они выступают в нашей литературе, нельзя. Прежде всего среди исследователей нет договоренности о том, что следует понимать под «сопками» и «длинными и удлиненными курганами». Принятые в качестве критерия такие показатели, как «высота насыпей»

для сопок и «длина насыпей» для длинных и удлиненных курганов без проведения их исследования (т.е. раскопок) не раскрывают сущность памятников, являются внешними, формальными признаками. Если исходить из этих признаков, а именно так и делается, то «сопки» и «длинные курганы» могут быть найдены почти на всей территории Восточной Европы, между тем как по своему содержанию каждый из таких исследованных курганов (или группа их) имеет свои особенности. Не менее сложным является и вопрос хронологии этих памятников. Показательным в этом отношении является хотя бы то, что только за послевоенные годы датировка «длинных курганов» пересматривалась несколько раз, причем большая часть исследователей меняла ее без каких-либо оснований, исходя исключительно из общесторических построений. А такой произвол возможен, очевидно, когда в распоряжении исследователей нет твердых опор. Самым же существенным в вопросе о длинных курганах и курганах-сопках является то, что наряду с ними в последний период их бытования (IX–X вв.) существуют достоверно славянские полусферические курганы с трупосожжением.

В силу этих обстоятельств указанные археологические памятники на территории летописных кривичей и словен новгородских пока что не могут быть привлечены для осмысления ранней истории славян на территории Восточной Европы. Наиболее ранними достоверно славянскими памятниками в этих районах в настоящее время можно признать лишь обычные, небольшие по размерам, полусферические курганы с трупосожжением, близкие по форме и содержанию одновременным курганами соседних славянских территорий» (Ляпушкин 1968: 19–20).

В критике И.И.Ляпушкиным формального подхода к погребальным памятникам по чисто внешним признакам много справедливого, однако далее, при рассмотрении конкретного материала он неоднократно демонстрирует столь же формальное понимание. Так, игнорируя более или менее четко отмечавшиеся большинством исследователей существенные различия между псковско-новгородскими и смоленскими длинными курганами, И.И.Ляпушкин декларирует их единство (выражающееся во внешнем сходстве насыпей), что позволяет ему лишний раз подтвердить «неславянский характер» таких погребальных памятников: «...могильный инвентарь длинных курганов верхнего Поднепровья является балтийским. Это признается всеми» (Ляпушкин 1968: 93). Дополнительным аргументом «балтийскости» длинных курганов является их соотношение автором с верхнеднепровскими городищами — «памятниками балтского населения», а также бедность инвентаря псковских и новгородских курганов, не позволяющая опровергнуть такое утверждение. Во всех этих регионах, по мысли

И.И.Ляпушкина, длинные курганы сменяются единым пластом полусферических насыпей, отражающим процесс славянского расселения на балтских территориях.

Полевые работы 1970–1990-х гг.

1970–1990-е гг. стали новым периодом «великих археологических открытий», когда сплошными археологическими разведками накрываются огромные территории и одна за другой составляются археологические карты обширных регионов, а на их основе ведется учет и инвентаризация археологических памятников в большинстве областей России (Аун 1980; Башенькин 1995; Исланова 1989; Конецкий, Иванов 1997; Кузьмин 1988; Лапшин 1990, 1995; Лебедев, Платонова, Лесман 1982; Малыгин 1994; Достопримечательные... объекты 1997; Памятники ...Новгородской области 1999).

Для этого периода характерно сосредоточение исследователей на изучении комплексов памятников, что позволяет охарактеризовать все сферы жизни конкретных древних коллективов. Важной методической особенностью является стремление к раскопкам широкими площадями — не только поселений, но и погребальных памятников. Такой подход позволил выявить частое присутствие на территории некрополей КДК грунтовых захоронений, непосредственно связанных с расположенными рядом курганами. В 1976–1978 и 1980–1982 гг. М.Аун полностью раскопала 2 курганные группы рядом с дер. Рысна-Сааре в Юго-Восточной Эстонии, что позволило ей оперировать материалами по планиграфии и относительной стратиграфии целых курганных кладбищ (Аун 1992: 98–105). Позднее С.Л.Кузьмин в течение 1987–1993 гг. раскопал практически единой площадью обширные курганные группы Которск XII и Березно I в бассейне Плюссы, а В.Ю.Соболев в 1996 г. изучил могильник Березицы VI единым раскопом, вписав курганы и грунтовые захоронения в общую квадратную сетку (Соболев 2000).

В последней четверти XX в. в средневековой археологии начинают широко использоваться естественнонаучные методы, в том числе и радиоуглеродное датирование, которое традиционно считалось методом, пригодным лишь для более ранних эпох (Рыук 1979; Микляев 1981; Попов, Свеженцев, Зайцева 1991).

Раскопки ведутся практически во всех регионах распространения длинных курганов — в Юго-Восточной Эстонии, в Восточном Причудье и бассейне Великой, в бассейнах Луги, Плюссы, Мсты, Ловати и Западной Двины. Начиная с середины 1970-х гг., масштаб полевых исследований нарастает почти лавинообразно, однако полученные результаты осмысляются, как правило, лишь в рамках узкого региона (см., напр.: Буров 1989; Петров 1996; Исланова 1989; Лесман 1985), а сведения о раскопках оказываются в основном рассыпаны по страницам ежегодника «Археологические открытия» и сбор-

никам нескольких ежегодных конференций по проблемам археологии Северо-Запада («Археология и история Пскова и Псковской земли», издается с 1980 г., «Новгород и Новгородская земля. История и археология», издается с 1987 г.; «Тверской археологический сборник», издается с 1994 г.).

В ближайшей округе Пскова и бассейне нижнего течения р.Великой в 1970-х гг. разведки и раскопки вели С.В.Белецкий, В.А.Тюленев, М.О.Колосова, К.М.Плоткин. Последний, разрабатывая вопросы возникновения и ранней истории Пскова, составил подробную археологическую карту бассейна нижнего течения Великой и прилегающей части побережья Псковского озера (Плоткин 1989: рис. 1 и сл.).

В 1974 г. сплошное обследование восточного побережья Чудского озера и впадающих в него рек начала Н.В.Хвоцинская (Хвоцинская, Прудько 1974; Хвоцинская 1985а; 1997). В составе ее экспедиции, а позднее самостоятельно, в этих работах участвовал С.Г.Попов, проводивший также разведки и раскопки в бассейне нижнего течения р.Плюссы и комплекса памятников у дер. Сторожевец на побережье Чудского озера (Попов 1987).

В 1976–1977 гг. Е.Н.Носов проводил раскопки комплекса памятников на оз. Съезжье в бассейне р. Мологи. В состав этого комплекса, помимо поселения, входили погребальные памятники различных типов — курганная группа и грунтовый могильник с трупосожжениями (Носов 1981б).

В 1976–1979 гг. производит серию разведок и небольших по своему объему раскопок в Новгородской и Псковской областях Г.Н.Пронин, сосредоточив свое внимание в основном на крупных комплексах памятников (Левоча–Кабожя, Полибино, Борисоглеб и др.) (Пронин 1977; Пронин, Мильков, Гайдуков 1978). Тогда же начинает свои исследования средневековых памятников Новгородской области В.Я.Конечкий (см.: Конечкий, Верхорубова 1979; Носов, Верхорубова, Конечкий 1976; Конечкий 1981).

Интенсивные археологические разведки в Приильменьи и восточнее «оси» Волхов — Ловать значительно уточнили представления о распространении памятников КДК, очертив огромное «восточное крыло» их ареала. В 1981 г. Е.Н.Носов, опираясь на результаты разведок в Новгородской области, опубликовал уточненную карту распространения памятников культуры длинных курганов (Носов 1981: карта на с.48), где отметил вновь выявленные памятники в бассейнах Поли, Мсты и Мологи.

В 1970–1990-х гг. проводятся масштабные разведки, а позднее и раскопки на террито-

рии Тверской области, проводившиеся археологами Тверского (Калининского) гос. университета, а также И.В.Ислановой (ИА РАН). В результате этих работ здесь было выявлено 219 курганных могильников и одиночных насыпей культуры длинных курганов и значительное число селищ с лепной керамикой. Эта цифра имеет тенденцию к увеличению, однако следует отметить, что в западных районах Тверской области встречаются как псковско-новгородские, так и смоленские длинные курганы, которые до раскопок не всегда возможно различить (Малыгин 1994: 116, рис.1, 2; Исланова 1989; Исланова 1994). Одновременно на территории современного Фировского района Тверской области вел комплексное изучение территории средневековой Жабенской волости в бассейне Шлины В.А.Буров (Буров 1989). С 1990 г. начинает работать на территории Молого-Мстин-

ского междуречья сотрудник СПбГУ Н.И.Петров (Петров 1992; 1996).

Яркая страница в изучении северных длинных курганов — работы А.Н.Башенькина на крайнем востоке их ареала, в юго-западном Белозерье. Исследователю удалось как существенно уточнить границы распространения памятников данного типа, так и показать их место в культурной стратиграфии региона (Башенькин 1995; 1997).

Работы экспедиции С.Л.Кузьмина (в составе которой действуют отряды Е.Р.Михайловой, В.Ю.Соболева, Б.Г.Лыча) с 1987 г. сосредоточены в бассейнах Верхней Луги и Плюссы. Экспедицией исследовано значительное число памятников северных длинных курганов в Верхнем Полужье (Рапти–Наволоки II и III, Ситенка, Засобье II), Верхнем (Которск III, VIII, XII, Березицы I, II, V, VI) и Среднем Поплюсье (Березно I, II), причем часть некрополей раскопана полностью.

Дискуссии об этнокультурной принадлежности псковско-новгородских длинных курганов

Интенсивные полевые исследования, повлекшие накопление огромного массива новых сведений, стимулировали и кабинетные изыскания. Одной из важнейших тем стала проблема славянского расселения в Восточной Европе и вопросы этнической интерпретации средневековых древностей, тем более, что недавно высказанные И.И.Ляпушкиным положения вызвали оживленную полемику.

Точка зрения И.И.Ляпушкина получила поддержку М.И.Артамонова (1967), а позднее была развита Г.С.Лебедевым в целой серии статей (1977а; 1977б; 1982).

Последний предложил считать памятниками славянского расселения на Северо-Западе полусферические курганы с трупосожжениями и ранние древнерусские городища, в культурных напластованиях которых, помимо круговой, встречена лепная керамика. Материалы нижнего яруса раскопанной им сложной по составу высокой насыпи у д.Репьи (она была однозначно интерпретирована Г.С.Лебедевым как сопка) дали автору возможность декларировать синхронность сопок и северных длинных курганов (а также совпадение их ареалов) и предположить местную подоснову обеих групп древностей — гипотетическую «предкурганную культуру», соотносимую по своим основным характеристикам с позднедьяковскими и тушемлинскими древностями. Памятниками переходного от «предкурганной культуры» к ранним сопкам и длинным курганам типа исследователь предложил считать выделенные им в особый пласт погребальных памятников так называемые высокие, «сопкообразные» насыпи с трупосожжением, известные как в виде одиночных насыпей (аналогично сопкам), так и в составе групп с длинными курганами.

«Блокированная с юга балтской тушемлин-

ской и финно-угорской дьяковской культурами “предкурганная культура” безусловно, не может быть связана со славянами. Она должна соответствовать “чуди” Иордана — *thiudos* (эти сведения восходят к источнику V в.), т. е. финно-угорскому, возможно, с балтскими элементами, населению» (Лебедев 1982: 33).

Построения Г.С.Лебедева, базирующиеся на очень узкой фактологической базе (фактически — на материалах раскопок нескольких памятников на небольшом участке берега Черемнецкого озера) не получили признания, однако с легкой руки этого исследователя в литературе окончательно утвердились термины «культура сопок» и «культура длинных курганов» (см., напр.: Конечкий 1989; Кузьмин 1989; Петров 1992).

Тезис о «неславянскости» длинных курганов сочувственно восприняла также С.Лаул. Отталкиваясь от рассуждений И.И.Ляпушкина и материалов совместных с М.Шмидехельм раскопок, она предположила развитие курганного обряда в Восточной Эстонии и сопредельных районов Псковщины на основе древностей «чудского» финноязычного населения (Лаул 1971: 329; см. также: Лаул 1975).

Помимо поддержки, концепция И.И.Ляпушкина встретила целый ряд возражений и встречных гипотез. В частности, А.А.Александров на материалах конкретного и весьма значимого региона показал неоднородность полусферических курганов с трупосожжениями, разделив их на 8 групп, связанных не менее чем с тремя различными культурными традициями (Александров 1982).

В 1974 г. вышла в свет монография В.В.Седова, посвященная специально длинным курганам как особому типу насыпей. Вновь проанализировав накопленные к 1970-м гг. материалы и имеющиеся в литературе сведения, он

отметил: «Материалами длинных курганов постоянно пользуются все исследователи, касающиеся истории лесной полосы Восточной Европы в середине и второй половины I тысячелетия н. э. Длинные курганы являются важнейшим источником для решения вопросов происхождения и ранней истории северной части восточного славянства» (Седов 1974: 10).

Огромным и неоспоримым достоинством монографии является вновь составленная В.В.Седовым карта длинных курганов, включающая, правда, в соответствии с заявленной темой исследования только могильники с длинными насыпями, что несколько искажает картину распространения этой группы древностей в целом (Седов 1974: 42–61 (№ 1–352), табл. 1–4).

Сам исследователь по поводу такого вычленения валлообразных насыпей из общей массы курганов и по поводу распространенного в литературе деления их на длинные и удлиненные замечает: «Никакой необходимости в дифференциации рассматриваемых памятников на длинные курганы и удлиненные нет. ... Курганы восточнославянской территории в зависимости от их форм и внутреннего строения подразделяются на три типа: 1 — полусферические или круглые в плане насыпи, распространенные на всей территории расселения восточнославянских племен и известные у неславянских племен; 2 — насыпи с четырехугольными основаниями..., известные только в отдельных районах Восточной Европы на славянской и балтской территории; 3 — длинные курганы, куда входят все погребальные насыпи, имеющие вытянутые (валлообразные) очертания. Среди этих памятников встречаются короткие (удлиненные) и очень длинные насыпи» (Седов 1974: 5). Именно такие валлообразные насыпи В.В.Седов и выбрал для рассмотрения вопроса о древнейших погребальных памятниках кривичей.

Подробно проанализировав накопленные сведения об устройстве курганов, погребальном обряде, вещевом материале и его датировке, В.В.Седов повторяет основные выводы своей работы 1960 г. — длинные курганы в целом датируются VI–X вв. и являются древнейшими погребальными памятниками восточнославянской группировки кривичей, довольно рано распавшейся на кривичей смоленских и пологчан (смешавшихся с днепровскими балтами) и кривичей псковских (сформировавшихся «на региональном прибалтийско-финском субстрате»), что нашло свое отражение в материалах их погребальных памятников.

Уязвимые места концепции Седова — ее осязаемая схематичность и жесткая увязка с этнической проблематикой. Вообще, «этнос» в построениях исследователей 1960–1980-х гг. предстает некоей инертной монолитной массой, обладающей жестко заданным набором «этноопределяющих признаков», выявляемых прежде всего в наборе женских украшений, леп-

ной керамике, погребальном обряде и домостроительстве. Едва ли не единственным источником инноваций в культуре при таком подходе оказывается заимствование из традиционных культур других этносов (не менее инертных монолитов с иными женскими украшениями, погребальным обрядом и домостроительством).

Однако при таком подходе остаются нерешенными многие вопросы, связанные с изучением этноса как явления. В чем, кроме не поддающихся непосредственному археологическому изучению самосознания и языка (диалекта), может проявляться единство этноса? Допустимо ли рассматривать найденные в отрыве от основного ареала украшения или керамику как свидетельство именно этнических контактов, в особенности для эпохи средневековья, когда происходит формирование государств и активно действует дальняя торговля? Какие явления, свойственные этнической общности, могут сохраниться в процессе миграции, а какие окажутся утраченными? Сопоставимы ли вообще напрямую народы до и после своего переселения, даже если они сохранили прежнее название? Да и корректно ли реконструировать межэтнические отношения там, где не доказано наличие необходимых для возникновения этноса условий? (ср.: Лесман 1993).

В 1970-х гг. к теме славянского расселения на Северо-Западе Русской равнины обращается Е.Н.Носов, разрабатывая данную проблематику преимущественно на материалах Приильменья. В его работах длинные курганы и сопки предстают памятниками двух разновременных (и разнокультурных) потоков славянских переселенцев: «Если рассматривать носителей культуры сопок и длинных курганов в рамках славянского этногенеза, то можно поставить вопрос о ранней волне славянского расселения, приведшей в сложном процессе взаимодействия с различными группами балтского и финно-угорского населения к формированию культуры длинных курганов, характеризующейся достаточно разнородными компонентами материальной культуры, и более поздней и несколько иной по составу волне славянской колонизации, связанной в конечном итоге с населением, соорудившим сопки» (Носов 1981а: 56).

Е.Н.Носов вновь рассмотрел основные положения концепции И.И.Ляпушкина и поддержавшего ее Г.С.Лебедева, главным образом — источниковедческие предпосылки. Опираясь на итоги обширных полевых исследований 1970-х гг. в Новгородской области и других регионах (прежде всего — наиболее полно изученной и опубликованной к тому времени Юго-Восточной Эстонии), он показал, что нет оснований выделять полусферические курганы с трупопожжениями в особый пласт древностей. Указанные в сводке И.И.Ляпушкина для Северо-Запада пункты практически все представ-

ляют собой могильники культуры длинных курганов, включающие в себя, помимо полусферических насыпей, также длинные, четырехугольные, комбинированные и других типов. Группы, состоящие только из полусферических насыпей, редки и также должны быть причислены к памятникам культуры длинных курганов. Он подверг критике также гипотезу Г.С.Лебедева о существовании некоей «предкурганной культуры», указав, что привлекаемые для ее обоснования памятники связаны с уже сформировавшейся КДК.

Представления о возникновении и развитии погребальной обрядности

Одновременно с дискуссиями о языке и этносе носителей КДК подробно разрабатывалась проблема возникновения и развития их своеобразной погребальной обрядности, которая могла бы послужить одним из ключей к разрешению этнокультурных вопросов.

Одно из возможных решений предложил В.В.Седов, одновременно подчеркивая, что «нельзя смешивать вопрос о происхождении кривичей с вопросом о происхождении длинных курганов». Указав на наличие наиболее ранних длинных насыпей в отличающейся равнинным ландшафтом Псковской земле, он предположил следующий путь развития курганного обряда: «Исходным типом, по-видимому, были захоронения остатков трупосождений в неглубоких ямках или на поверхности невысоких природных всхолмлений, может быть, удлиненной формы. Расселившись в новой местности, где подобные всхолмления отсутствовали..., славяне-кривичи вынуждены были сооружать искусственные погребальные насыпи». В качестве подтверждения такой реконструкции В.В.Седов приводит отдельные насыпи, сооруженные на подработанных природных всхолмлениях (1974: 41).

Иную концепцию развития погребального обряда предложила М.Аун (Аун 1980а). Кратко остановившись на общей характеристике курганов Юго-Восточной Эстонии и Западного Причудья, эстонская исследовательница попыталась на основании имеющихся в ее распоряжении данных типологизировать элементы погребального обряда (разделив захоронения по их положению в насыпи) и по сочетанию типов захоронений выделить типы курганов, а затем проследить развитие курганного обряда во времени.

По мнению М.Аун, древнейшими из изученных археологами длинных насыпей являлись курганы выделенного ею первого типа — сложные по своему внутреннему строению сооружения, содержащие по несколько как «основных» (т.е. материковых или на погребенной почве), так и впущенных в окончателную насыпь захоронений. Из этого первого типа развиваются два других — второй (погребения сосредоточены в основании первоначальной на-

сыпи, которая позднее могла досыпаться в длину) и третий тип (все погребения стратиграфически связаны с вершиной насыпи — впущены в нее или рассыпаны по поверхности). Второй и третий типы длинных насыпей, сменяя первый, сосуществуют друг с другом, при этом «возможно, что в курганах разных типов отражается и изменение (возможно, и сложность), социальной структуры населения, оставившего эти памятники» (Аун 1980а: 53). Развитие структуры круглых в плане насыпей рассматривается ею как параллельный процесс. При этом М.Аун не останавливается специально на проблеме сосуществования курганов столь разных форм, отметив лишь, что «новые исследования курганных могильников в Восточной Эстонии еще раз подтверждают мнение об отсутствии, в общем, существенной разницы в погребальном обряде длинных и круглых курганов» (Аун 1980а: 72). Так называемые пустые насыпи она предлагает считать кенотафами, оговорив, что некоторые из них могли содержать разрушенные позднее захоронения.

Процесс возникновения и развития курганного обряда захоронения на территории Восточной Эстонии исследовательница представляет следующим образом: «...Оказалось возможным проследить за развитием курганного обряда захоронения от погребальных площадок округлой или четырехугольной форм с большим числом захоронений, найденных в основаниях более древних курганов, до насыпей с одиночными погребениями на вершине кургана. ...Появление курганных могильников в восточной части Юго-Восточной Эстонии явилось не результатом проникновения сюда пришлого населения, а обусловлено переходом коренного населения к новому обряду захоронения на основе дальнейшего развития социально-экономических отношений. Открытым пока остается вопрос о том, произошел ли переход к курганному обряду захоронения у местных племен самостоятельно или же под влиянием славянской культуры» (Аун 1980а: 99–100).

Нельзя не отметить определенные трудности при понимании работ М.Аун: выработанная

ею терминология зачастую неудачна. Так, выделенные ею в отдельный тип «основные захоронения» — это погребения, стратиграфически связанные с основанием насыпи, а под занимающими большое место в ее построениях «погребальными площадками» следует, по всей вероятности, понимать ограниченное ровиком пространство, на котором возводился курган, или даже невысокую первоначальную насыпь сложного по строению кургана. Именно о таком значении термина свидетельствуют, на мой взгляд, отдельные фразы монографии: «...При наличии во всех из них (курганов Восточной Эстонии. — Е.М.) обычая сооружать до насыпки кургана погребальные площадки...» (Аун 1980а: 73); «Пос-

ле совершения центрального захоронения в глиняной урне... к имеющейся площадке с юго-западной стороны была присыпана погребальная площадка прямоугольной формы длиной около 15 м, а обе части кургана окружены общим ровиком, объединившим их в единый длинный курган» (Аун 1980а: 51).

Тем не менее, вскоре после выхода в свет монографии М.Аун Е.Н.Носов опубликовал материалы своих раскопок в Хвойнинском районе Новгородской области, подтверждающие, по его мнению, предложенную эстонской исследовательницей последовательность развития курганного обряда захоронения от подкурганной площадки к насыпям (Носов 1981, 1982: 61).

Работы по палеогеографии и реконструкции хозяйства КДК

В 1970-х гг. возникло новое направление в исследованиях — изучение палеоландшафтов и связи с ними тех или иных групп памятников. Одним из первых серьезное внимание на этот комплекс вопросов обратил А.М.Микляев (сформулировав понятие «археологической географии»). Основываясь на материалах масштабного археологического обследования территорий в бассейне верхней Двины, он отметил, что могильники культуры длинных курганов приурочены преимущественно к озерно-ледниковым равнинам, а сопки встречаются в пределах распространения холмисто-моренного рельефа, главным образом в его окраинных частях, и связал это различие с различиями в хозяйственной специализации населения, оставившего сопки и длинные курганы.

Выводы А.М.Микляева поддержали Г.С.Лебедев, В.Я.Конецкий (1989), Ю.М.Лесман. Несколько позднее эта схема подверглась уточнениям. П.М.Долуханов и Е.Н.Носов указали, что отмечающаяся ландшафтная приуроченность различных групп памятников свидетельствует не о наличии или отсутствии земледелия у различных групп средневекового населения, а о преобладании тех или иных конкретных форм производящего хозяйства. Так, «преобладание песчаных почв в районах концентрации длинных курганов не исключает само по себе существования земледелия: дерново-подзолистые почвы достаточно плодородны. Трудность состоит в том, что такие почвы не могут дать устойчивого урожая, поэтому подсека могла быть здесь основной формой земледельческого хозяйства, а в VI–VII вв. и единственной. Земледелие и скотоводство дополнялись отраслями присваивающего хозяйства, в первую очередь, по-видимому, рыболовством. <...> В процессе развития часть курганного населения продвигалась на окраины моренной зоны и там постепенно переходила к более прогрессивным формам земледе-

лия...» (Долуханов, Носов 1985: 22–23).

Результаты исследований последних лет подтверждают описанный Е.Н.Носовым «путь хозяйственного развития», но уточняют ряд существенных моментов, в первую очередь вопрос о времени появления в культуре длинных курганов «прогрессивных форм земледелия». В частности, разработки геоботаников позволяют утверждать, что во второй половине I тыс. н.э. на занятых ныне соновыми борами песчаных и супесчаных почвах были распространены сложные сосняки с лещиной и широколиственными породами во втором подъярусе древостоя (тип растительности, в настоящее время вновь формирующийся в тех же ландшафтах). Предоставляя, с одной стороны, больше возможностей для ведения комплексного лесного хозяйства, с другой — такие леса формировали достаточно плодородные почвы, позволяющие вести стабильное пашенное земледелие. С этим выводом согласуются данные палинологического анализа погребенных почв из-под курганов группы Березно I в бассейне средней Плюссы (VI–IX вв.). Полученные здесь пыльцевые спектры позволяют предположить наличие в ближайших окрестностях могильника старопахотных (залежных или переложных) земель (Кучеров, Михайлова, Тарасевич — в печати).

В настоящее время вопрос о конкретных формах хозяйства населения КДК остается открытым, тем более, что на такой огромной территории, какую занимала эта культура, по-видимому, и соотношение различных видов и способов хозяйственной деятельности должно было сильно различаться от региона к региону. Пожалуй, мнения об однозначном соответствии культурной общности и окружающего ее ландшафта, жестко задающего способ ведения хозяйства, ныне придерживается только В.Я.Конецкий, остающийся убежденным сторонником «ландшафтного детерминизма» (Конецкий 1997).

Микрорегиональный подход к исследованию раннесредневековых древностей

В результате существенного увеличения сведений о КДК в целом, исследователи 1980–1990-х гг. сосредотачивают свои усилия преимущественно на изучении конкретных регионов, их специфики в общей картине культуры и восстановлении «тотальной» культурной истории сравнительно небольших естественно очерченных областей на значительных временных отрезках.

Самый яркий и методически наиболее последовательный пример такого регионального подхода — работы Северо-Западной (ранее — Невельской) экспедиции Государственного Эрмитажа под руководством А.М.Микляева, много лет проработавшей в Двинско-Ловатском междуречье. Основные итоги своих работ Микляев подвел в монографии «Каменный — железный век в междуречье Западной Двины и Ловати», увидевшей свет уже после гибели автора (1994).

Определяя методические предпосылки и основные цели своих работ, А.М.Микляев писал: «В 1960–1962 гг. мы с моим незабвенным учителем Г.П.Гроздиловым обсуждали возможность реализации замечательной идеи Б.С.Жукова — проследить в каком-либо регионе всю цепочку развития материальной культуры от появления там человека после вюрмского оледенения и до образования Древнерусского государства...» (Микляев 1994: 8).

Серьезнейшим достоинством работ А.М.Микляева и его учеников является последовательное и взвешенное применение метода «археологической географии», когда археологические факты анализируются в комплексе со всеми известными палеогеографическими данными. Такой подход не просто является надежным инструментом для изучения истории хозяйства и взаимоотношений человек — среда в древности. Наложенные на шкалу колебаний уровня вод, подкрепленную данными палеоклиматологии, споро-пыльцевого анализа, результатами радиоуглеродного датирования, памятники Двинско-Ловатского междуречья получили надежные независимые от археологических абсолютные даты.

Научные интересы самого А.М.Микляева сосредотачивались на проблемах каменного и начального железного века, поэтому раннесредневековые памятники рассмотрены в его монографии достаточно общо и суммарно, однако с акцентом на нескольких методически важных моментах, касающихся традиционных для отечественной археологии «этнокультурных» проблем. «Приняв КДК за одну из культур восточных балтов, мы и предшествующую ей Д-ДК (днепро-двинскую культуру. — Е.М.) должны признать балтийской же, и в этом признании нет противоречия со сложившейся традицией. Но Д-ДК, как показано выше, развива-

ется из узменьской культуры начального железного века, и придется и эту культуру заподозрить в принадлежности к балтийской этнической общности, что также не новость. Однако узменьская культура начального железного века генетически связана с северобелорусской культурой, та, в свою очередь, — с жижицкой и т. д. Где поставить точку? Какая фаза развития керамики в какой культуре среднего или раннего неолита обозначит нам рождение или приход балтов? Археологические материалы не дадут ответа. Нет ответа и в языкознании, ибо эта область, безусловно сильная фиксацией относительной хронологии языковых явлений, крайне слаба в абсолютной хронологии их. ... И даже если бы я решился разделить чью-либо точку зрения, то и здесь бы ничего не вышло, ибо в докладе использована радиоуглеродная хронология, которой совершенно недоступна языковая ткань» (Микляев 1994: 32).

Впрочем, А.М.Микляев все же сумел сформулировать свою точку зрения на культурно-языковую принадлежность длинных курганов Двинско-Ловатского междуречья, выгодно отличающую своей взвешенностью от господствующих в литературе предельно неконкретных на поверку «кривичской» (для разных исследователей — славянской, балто-славянской, славянизированно-балтской и т.п) и «чудской» (— финской, финноязычной, финско-балтской, прибалтийско-финской с балтскими элементами). «Помоему, носители КДК были одним из мощных восточно-балтийских племен, обложенных в свое время данями (при княгине Ольге, уставлявшей погосты), и позднее растворившихся в славяноязычной среде Древнерусского государства. ... Если попытаться очертить границы псковских, новгородских и полоцких земель, пользуясь только местными источниками и не верить друг другу, то между этими землями окажется большое по площади «белое пятно». Оно протянется с юго-запада на северо-восток от Полоцка через Себежское поозерье по течению рек Уща, Великая и Алопь к знаменитому Бардовскому погосту, ныне находящемуся почти в центре Псковщины. В этом пятне изобильны могильники с длинными курганами и городища днепро-двинской культуры. Возможно, что здесь в полоцко-псковско-новгородском пограничье и проживали плотным массивом потомки носителей культуры длинных курганов. О них по письменным источникам мало что известно: Витовт в начале XV века вывел отсюда невероятное количество пленных, да в конце того же века где-то здесь располагалась Ржовская волость — богатейшая земля, в которой светская власть была в руках польско-литовского государства, а духовная — у новгородского владыки» (Микляев 1994:32).

В последние годы И.В.Исланова активно разрабатывает историко-культурную проблематику раннего средневековья на материалах конкретного и очень сложного региона — Молого-Мстинского междуречья, где во второй половине I тыс. н. э. взаимодействуют несколько групп древностей, не в каждом случае однозначно различимых — северные длинные курганы, смоленские длинные курганы и позднедьяковские памятники. Ее специальному рассмотрению подверглись, в частности, и конкретно погребальные памятники КДК в междуречье Верхней Мсты и Волчины, где удалось выявить возможную хронологическую разницу между курганами верховьев Мсты и верховьев Волчины (Исланова 1989; 1994; 1997).

Еще один достаточно полно изученный регион — бассейн верхнего и среднего течения

р.Плюссы, где с 1987 г. ведет свои работы экспедиция С.Л.Кузьмина. За эти годы территория, ранее слывшая «белым пятном» на археологической карте (ср.: Платонова 1981), подверглась практически тотальному обследованию. Здесь было вновь выявлено несколько сот памятников эпохи средневековья, в том числе свыше ста — культуры северных длинных курганов. Отдельные памятники КДК были распаны сотрудниками экспедиции широкой площадью, три некрополя — полностью (Кузьмин 1988; 1989; Соболев 2000). Удалось выяснить характер и хронологию взаимодействия в конкретном регионе, на конкретных памятниках, различных групп раннесредневековых древностей, наметить пути подхода к изучению сложения многокомпонентной древнерусской культуры.

Северные длинные курганы в контексте культур предшествующего времени

В 1980-х гг., в связи с накоплением новых данных о хронологии северных длинных курганов, в том числе полученных естественнонаучными методами, вновь остро встает проблема происхождения культуры и ее начальной даты в контексте европейской хронологии. Началом нового этапа обсуждения стала серия статей И.А.Бажана и С.Ю.Каргапольцева, посвященная включению отдельных восточноевропейских находок в центральноевропейскую хронологическую систему. Часть этих работ была посвящена непосредственно длинным курганам (Бажан, Каргапольцев 1986, 1989; Каргапольцев, Бажан 1993). Этот подход вызвал понимание и интерес к древностям римского времени в лесной полосе Восточной Европы. (см., напр.: Седов 1995: 214; 1998).

Несколько позднее С.Ю.Каргапольцев защитил диссертацию на эту тему (1994). В ней автору удалось, апеллируя в основном к хронологическим штудиям К.Годловского, выделить в материале северных длинных курганов пласт ранних вещей, которые можно рассматривать как центрально-европейские импорты либо как предметы, восходящие к центрально-европейским образцам. Памятники с вещами этого круга получили в работе обозначение «горизонт Линдора — Полибино», и их выделение, безусловно, является значительной заслугой исследователя. Однако дальнейшее развитие идеи автора вызывает недоумение: он непосредственно привязывает «горизонт Линдора — Полибино» к хронологической шкале Годловского, никак не комментируя саму возможность столь прямолинейного соотнесения древностей из разных «миров древней Европы» (Щукин 1989), где все вещи, а тем более импорты существовали в различных культурных ситуациях и ритмах. Еще большее недоумение вызывает ограничение древностей северных длинных курганов памятниками, отнесенными к «горизонту Линдора —

Полибино», для чего С.Ю.Каргапольцеву пришлось прибегнуть к ряду источниковедческих натяжек в интерпретации конкретных памятников и фактически оставить «за скобкой» значительное число вещей, датирующихся более поздним временем (напр., браслеты с расширяющимися концами). Впрочем, в более поздних докладах и выступлениях (1998–1999 гг.) он несколько смягчил категоричность своих выводов.

Иной путь к проблеме определения начальной даты псковско-новгородских длинных курганов предложили А.Г.Фурасьев и Н.В.Лопатин. Они выделили в керамическом материале нескольких поселений III–V вв. верховьев Западной Двины керамику, сопоставимую с сосудами из длинных курганов того же региона, но покрытую расчесами, нанесенными римскими гребнями (так называемые памятники типа Заозерье) и предложили связать с этими памятниками древнейшие длинные курганы (Лопатин, Фурасьев 1994). Несколько позднее это предположение блестяще подтвердилось, когда Н.В.Лопатин, ознакомившись с керамикой из длинного кургана в Повалишино, отнес ее к керамике типа Заозерье (Штыхаў 1999).

В.Я.Конецкий, обобщая накопленные к настоящему времени данные о возможной местной подоснове культуры длинных курганов (общей для нее и культуры типа Тушемли-Банцевщины), вновь обратил внимание на постзарубинецкое наследие, прослеживаемое при изучении поселенческих памятников КДК и появившееся, по мысли исследователя, на территории Северо-Запада в результате культурного импульса из Поднепровья в первые века н.э. (Конецкий 1997). Признавая безусловную позитивность гипотезы, высказанной Н.В.Лопатиным и А.Г.Фурасьевым, он тем не менее, обращает внимание на целый ряд уязвимых для критики моментов, прежде всего на несоответствие предполагаемого демографического потенциала

территории распространения памятников типа Заозерья и огромного ареала КДК и на излишнюю прямолинейность апелляции к памятникам исключительно киевской культуры.

Выделение памятников типа Заозерья заста-

вило некоторых исследователей вновь обратиться к древностям раннего железного века как возможной местной подоснове северных длинных курганов (Лопатин 1997; Буров 1996), и этот подход представляется ныне наиболее перспективным.

Современное состояние проблемы. Актуальные вопросы изучения КДК

В целом современное состояние изучения северных длинных курганов характеризуется явным перевесом исследователей в сторону так называемого микрорегионального подхода. Такое положение дел имеет целый ряд и объективных, и субъективных причин, и безусловно, способствует полнейшему изучению этого круга древностей, ведь обобщающие работы прошлых лет зачастую грешат излишним схематизмом и чересчур общи — конкретные памятники сплосы и рядом не втискиваются в общие концепции. Не случайно за последнее десятилетие были изданы лишь единичные монографии, рассматривающие проблематику в целом, и все они представляют собой незначительную переработку сформулированных ранее теорий (Аун 1992; Седов 1995).

Однако сосредоточение исследовательских усилий и интереса на конкретных микрорегионах таит в себе и немалую опасность: сама группа древностей, привычно-интуитивно определяемая нами как псковско-новгородские длин-

ные курганы, начинает терять четкость и узнаваемый облик, особенно в контактных зонах (ср.: Лопатин 1989; Минасян 1979). Отчасти это, конечно, связано с той ситуацией «лингвистической непрерывности» и мозаичности расселения, которая, по-видимому, существовала в лесной зоне Восточной Европы на протяжении большей части I-го тысячелетия н. э., однако сейчас уже не всегда ясно, можно ли напрямую сопоставлять, скажем, длинные курганы Молого-Мстинского междуречья с таковыми в Восточном Причудье или Двинско-Ловатском междуречье.

Очевидно, приближается время нового обобщения наших знаний. Однако такое обобщение должно опираться и на новые основания — разработанную периодизацию и хронологию, четкие представления о погребальной обрядности (хотя бы ее основных элементах и алгоритмах их сочетания в насыпи) и комплексах лепной керамики отдельных регионов, уточненную археологическую карту.

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Александров А.А. 1982. Полусферические курганы с сожжениями на Псковщине // КСИА. Вып. 171. С. 21–28.
- Артамонов М.И. 1967. Вопросы расселения восточных славян и советская археология // Проблемы всеобщей истории. Л., С.63–67.
- Аун М. 1980а. Курганные могильники Восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия нашей эры. Таллин.: Валгус, 136 с.
- Аун М. 1980б. Об исследовании курганного могильника Рысна-Сааре II // ИАН ЭССР. Он. Т.29, №4. С.368–372.
- Аун М. 1992. Археологические памятники второй половины 1-го тысячелетия н.э. в Юго-Восточной Эстонии. Таллин. 200 с.
- Бажан И.А., Каргапольцев С.Ю. 1989. В-образные рифленые пряжки как хронологический индикатор синхронизации // КСИА, 192. С.28–35.
- Бажан И.А., Каргапольцев С.Ю. 1986. Северо-западные длинные курганы в контексте северо- и центральноевропейских древностей эпохи великого переселения народов // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тез. докл. Ч.1. М., 1986. С.199–201.
- Башенькин А.Н. 1985. Погребальное сооружение у д. Никольское на р. Суде // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л.: Наука. С.77–81.
- Башенькин А.Н. 1997. Славяне на востоке Новгородской земли. V–IX вв. // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Том 3. Этногенез и этнокультурные контакты славян. М.: Изд-во НПБО «Фонд археологии». С.21–27.
- Буров В.А. 1989. Жаровский конец Жабенской волости в VIII–XVI вв. по историко-археологическим данным // Памятники железного века и средневековья на Верхней Волге и Верхнем Подвинье. Сб. науч. трудов. Калинин: Калинин. гос. ун-т. С.74–84.
- Буров В.А. 1996. К проблеме этнической принадлежности культуры длинных курганов // РА, № 1. С.122–131.
- Гамченко 1913а С.С. Исследование Сестрорецких курганов в 1908 году // ЗОРСА. Т.IX. С.63–162.
- Гамченко С.С. 1913б. Исследование курганов у д. Сытенки, на левом берегу р. Луги в 1908 г. // ЗОРСА. Т.IX. С.163–221.
- Глазов 1903а. Отчет В.Н.Глазова о раскопках, произведенных в Псковской губ. в 1901 и 1902 гг. // ЗОРСА. Т.V. Вып. 1. С.44–66.
- Глазов В.Н. 1904. Отчет о поездке 1903 г.в Крестецкий уезд Новгородской губ. // ИАК. Вып. 6. С.50–60.
- Греков Б.Д. 1939. Киевская Русь. Изд. 3-е, перераб. и дополн. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 282 с.
- Гроздилов Г.П. 1965. Археологические памятники Старого Изборска // АСГЭ. Вып. 7. С.65–88.
- Гурина Н.Н. 1959. Результаты работ неолитического отряда Прибалтийской экспедиции // Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М., С.76–108.
- Гуревич Ф.Д. 1956. Археологические памятники Великолукской области // КСИИМК. Вып.62. С.95–107.
- Долуханов П.М., Носов Е.Н. 1985. Палеоландшафты и заселение территории Северо-Запада в VI–X вв. // Новое в археологии Северо-Запада

- СССР. Л.: Наука, С.19–23.
- Достопримечательные... объекты 1997. Достопримечательные природные и историко-культурные объекты Псковской области. Псков: Псковский пед. ин-т. В 2-х тт.
- Исланова И.В. 1989. Погребальные памятники культуры длинных курганов верховьев Мсты и Волчины // Памятники железного века и средневековья на Верхней Волге и Верхнем Подвинье. Сб. науч. трудов. Калинин: Калинин. гос. ун-т, С.24–32.
- Исланова И.В. 1994. Неукрепленные поселения Мстинско-Моложского междуречья в I тыс.н.э. // Тверской археологический сборник. Вып.1. Тверь: Тверской объединенный музей, С.134–138.
- Исланова И.В. 1997. Удомельское поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М.: Эдиториал УРСС. 304 с., илл.
- Каргапольцев С.Ю. 1994. Северо-Запад Восточной Европы в системе общеевропейских древностей III–V вв. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб.: СПбГУ.
- Каргапольцев С.Ю., Бажан И.А. 1993. К вопросу об эволюции трехгогих пельтовидных лунниц в Европе (III–VI вв.) // Петербургский археологический вестник.7. СПб: Фарн, С.113–121.
- Конечкий В.Я. 1981. Комплекс памятников у д. Нестеровичи (К вопросу о сложении локальных центров конца I — начала II тыс. н. э. в бассейне Мсты) // Материалы по археологии Новгородской земли. М.: , 1991. С.89–116.
- Конечкий В.Я. 1989. Некоторые вопросы исторической географии Новгородской земли в эпоху средневековья // Новгородский исторический сборник. 3(13). Л.: Наука. С.3–19.
- Конечкий В.Я. 1997. К вопросу о формировании культуры длинных курганов // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Мат-лы науч. конф. Новгород, 28–30 янв.1997 г.). Вып.11. Новгород. С.115–138.
- Конечкий В.Я., Верхорубова Т.Л. 1979. Работы Новгородского музея //АО 1978 г. М.: Наука. С.16–17.
- Конечкий В.Я., Иванов А.Ю. 1997. К типологии погребальных древностей Северо-Запада (На материалах Бельского (Любытинского) археологического комплекса) // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Мат-лы науч. конф. 11–13 нояб.1997 г. / Сост. В.Ф.Андреев. Новгород: Новгород, 1997. С.3–8.
- Крейтон 1914. Археологические разведки и раскопки в Псковской губернии в течение лета 1913 г. // Труды ПАО. Вып. 10. Псков. С.7–24.
- Кузьмин С.Л. 1988. Археологическая карта Поплюсья и проблемы истории населения Северо-Запада Новгородской земли // Новгород и Новгородская земля. История и археология (тезисы науч.-практ. конф.). Новгород. С.22–26.
- Кузьмин С.Л. 1989. Культура сопок в Верхнем Поплюсье // Новгород и Новгородская земля. История и археология. (Тезисы науч. конф.) Вып. 2. Новгород. С. 36–40
- Кулаков В.И. 1999. Балтийский вариант движения викингов // Неславянское в славянском мире. Stratum Plus, 1999, 5. СПб.; Кишинев; Одесса. С.148–152.
- Лапшин В.А. 1990. Археологическая карта Ленинградской области. Часть 1: Западные районы. Л.: ЛО ВООПИК.
- Лапшин В.А. 1995. Археологическая карта Ленинградской области. Часть 2: Восточные и северные районы. СПб.: Изд-во СПбГУ.
- Лаул С. 1971. Об этнической принадлежности курганов юго-восточной Эстонии// ИАН ЭССР. Общ. науки. Т.20. № 3. С.319–329.
- Лаул С. 1974. Каменный могильник и курганы в Пыльгасте (Юго-Восточная Эстония) // ИАН ЭССР. Общ. науки. Т.23. № 1. С.87–89.
- Лаул С. 1975. Погребальные памятники прибалтийских финнов в I тыс. н. э. // Вопросы финно-угроведения. Вып. VI. Саранск. С.378–383.
- Лебедев Г.С. 1977а. Начало Верхней Руси по данным археологии // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л.: Изд-во ЛГУ. С.90–95.
- Лебедев Г.С. 1977б. Новые данные о длинных курганах и сопках // Проблемы археологии и этнографии. Межвуз. сб. Вып. 1. Л.: Изд-во ЛГУ, С.37–46.
- Лебедев Г.С. 1982. О времени появления славян на Северо-Западе // Северная Русь и ее соседи. Межвуз. сборник. Л.: Изд-во ЛГУ. С.29–39.
- Лебедев Г.С., Платонова Н.И., Лесман Ю.М. 1982. Археологическая карта Верхнего Полужья (вторая половина I — первая половина II тыс.) // Северная Русь и ее соседи. Межвуз. сборник. Л.: Изд-во ЛГУ. С.45–49.
- Лесман Ю.М. 1985. Памятники культуры длинных курганов в Лужско-Оредежском междуречье // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л.: Наука. С.33–37.
- Лопатин Н.В. 1997. Днепр-двинская культура как компонент культуры длинных курганов // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Том 3. Этногенез и этнокультурные контакты славян. М.: Изд-во НПБО «Фонд археологии». С.166–176.
- Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г. 1994. О роли памятников III–V вв. н.э. в формировании культур псковских длинных курганов и Тушемли-Банцеровщины // Петербургский археологический вестник. 9. СПб. : Гос. Эрмитаж. С.136–141.
- Ляпушкин И.И. 1968. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII — первая половина IX в.). Историко-археологические очерки. (МИА. № 152) Л.: Наука. 192 с.
- Мальгин П.Д. 1994. Некоторые итоги и проблемы изучения средневековых древностей территории Тверской области // Тверской археологический сборник. Вып.1. Тверь: Тверской объединенный музей. С.116–128.
- Мачинский Д.А. 1982. О времени и обстоятельствах первого появления славян на Северо-Западе Восточной Европы по данным письменных источников // Северная Русь и ее соседи. Межвуз. сборник. Л.: Изд-во ЛГУ. С.7–24.
- Мачинский Д.А., Тиханова М.А. 1976. О местах обитания и направлениях движений славян в I–VII вв. н. э. // Acta Archaeologica Carpathica. 16. С.59–94.
- Микляев А.М. 1981. Археологическая география (задачи, методы и первые результаты) // Краткие тезисы науч. конф. Отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа. Л.: ГЭ. С.49–51.
- Микляев А.М. 1994. Каменный — железный век в междуречье Западной Двины и Ловати // Петербургский археологический вестник. 9. СПб. С.7–36.
- Минасян Р.С. 1979. Поселение и могильник на берегу озера Узмень // Труды Гос. Эрмитажа. Т.ХХ. Л.: Гос. Эрмитажа. С.180–184.
- Моора Х.А. 1954. Археологические работы в Эстонской ССР в 1951 и 1952 г. // КСИИМК. Вып. 55. С.52–63.

- Моора Х.А. 1956. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии // Вопросы этнической истории эстонского народа. Тл.: Эстгиз. С.49–141.
- Носов Е.Н. 1981а. Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тысячелетия н.э. в Приильменье // СА. 1. С.42–56.
- Носов Е.Н. 1981б. Поселение и могильник культуры длинных курганов на озере Съезжее // КСИА. Вып. 166. С.64–69.
- Носов Е.Н. 1982. Проблемы изучения погребальных памятников Новгородской земли (К вопросу о славянском расселении) // Новгородский исторический сборник. 1(11). Л.: Наука. С.43–78.
- Окулич-Казарин Н. 1914. Материалы для археологической карты Псковской губернии // Труды Псковского Археологического общества, 10. Псков. С.131–292.
- Орлов С.Н. 1941. Могильник в Старой Ладогe (Из материалов Староладожской экспедиции Истфака ЛГУ) // Уч. зап. ЛГУ. № 80. (Серия ист. наук. Вып. 10.) С.116–138.
- Орлов С.Н. 1968. Археологические исследования в низовьях р. Мсты // СА. №3. С. 160–171.
- Орлов С.Н. 1973. Памятники кривичей в среднем течении р. Мсты // АО 1972 г. М.: Наука. С.32–33.
- Памятники ...Новгородской области 1999. Памятники истории и культуры Новгородской области. Каталог. Часть 2 (памятники археологии) / Сост. А.Ю.Курочкин. Великий Новгород. 240 с., илл.
- Петренко В.П. 1994. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв. Сопки Северного Поволжья. СПб.: Наука. 137 с.
- Петров Н.И. 1992. Культурно-исторические процессы в северной части Молого–Мстинского водораздела в эпоху раннего средневековья // Новгород и Новгородская земля. История и археология. (Тезисы науч. конф.) Вып. 6. Новгород. С. 62–69
- Петров Н.И. 1996. Археологические памятники эпохи раннего средневековья в среднем течении Кушаверы // Древние культуры и технологии: Новые исследования молодых археологов Санкт-Петербурга (Археологические изыскания. Вып. 34). СПб.: ИИМК РАН. С.99–104.
- Платонова Н.И. 1981. Две группы древнерусских памятников Верхнего Полужья // КСИА. Вып.166. С.39–45.
- Плоткин К.М. 1989. Округа Пскова накануне и в период становления города // Становление европейского средневекового города. М.: Наука. С.159–186.
- Плоткин К.М., Грач В.А. 1978. Раскопки курганов у д. Северик // АО 1977 г. М.: Наука. С.29.
- Попов С.Г. 1987. Городище Сторожинец // КСИА. Вып. 198. С.45–56.
- Попов С.Г., Свеженцев Ю.С., Зайцева Г.И. 1991. Радиоуглерод и дендрохронология как системы абсолютного датирования Новгорода и археологических памятников Новгородской земли // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990 г. М.: С.169–182.
- Пронин Г.Н. 1977. Работы Новгородского отряда // АО 1976 г. М.: Наука. С.30–31.
- Пронин Г.Н., Мильков В.В., Гайдуков П.Г. 1978. Работы Новгородского отряда // АО 1977 г. М.: Наука. С.31–32.
- Репников 1904. Поездка Н.И.Репникова в Старую Ладого // ЗОРСА. Т.V. Вып.2. С.57–60.
- Рерих Н.К. 1903. Некоторые древности пятин Девской и Бежецкой (Раскопки, произведенные в 1902 г. по поручению Императорского Русского Археологического Общества) // ЗОРСА. Т.V. Вып. 1. С.14–43.
- Рыук А.М. 1979. Некоторые вопросы сооружения и морфологии курганов Юго-Восточной Эстонии // ИАН ЭССР. Общ. науки. Т.28. №3. С.249–265.
- Седов В.В. 1960. Кривичи // СА. №1. С.47–62.
- Седов В.В. 1968. Исследования Кривичского отряда // АО 1967 г. М.: Наука. С.15–16.
- Седов В.В. 1961а. Разведки в Псковской земле // АО 1970 г. М.: Наука. С.18–20.
- Седов В.В. 1971б. Грицковские курганы // КСИА. Вып. 125. С.52–58.
- Седов В.В. 1974. Длинные курганы кривичей. (САИ, ЕI–8). М.: Наука. 68 с., 31 табл.
- Седов В.В., Седова М.В. 1967. Раскопки длинных курганов на Великой // АО 1966 г.
- Селиранд Ю. 1965. Курганы второй половины I тыс. в Западном Причудье // ИАН ЭССР. Общ. науки. Т. XIV. № 4. С.471–482.
- Соболев В.Ю. 2000. Могильник финальной стадии культуры длинных курганов Березицы VI // Археология и история Пскова и Псковской земли. Мат-лы науч. семинара 1996–1999 гг. Псков. С.103–107.
- Сорокин П.Е. 1998. Археология Петербурга — итоги исследований и проблема сохранения и использования археологического наследия // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. Мат-лы Всеросс. науч. конф., посвященной 70-летию со дня рождения А.Д.Грача. Дек. 1998. СПб.: Культ-информ-пресс. С.263–268.
- Спицын А.А. 1897. Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. Новгородская губерния. Псковская губерния. С.–Петербургская губерния. Тверская губерния // ЗРАО. Т.IX. Вып. 1–2. С.237–256, 268–293.
- Спицын А.А. 1899б. Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. Смоленская губерния // ЗРАО. Т.XI. Вып. 1–2. С.177–302.
- Спицын А.А. 1903а. Удлиненные и длинные русские курганы // ЗОРСА. Т.V, вып.1. С.196–202.
- Станкевич Я.В. 1958. Памятники славянской культуры середины I тысячелетия н. э. в верхнем течении Западной Двины // КСИИМК. Вып. 72. С.46–53.
- Станкевич Я.В. 1960. К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э. // Древности северо-западных областей РСФСР в I тысячелетии н. э. (МИА. № 76). М.; Л.: Изд-во АН СССР. С.7–327.
- Тищенко А.В. 1914а. Отчет о раскопках 1910 и 1911 гг. в Новгородской губернии // ИАК. Вып. 53. (Пг., 1914.) С.1–22.
- Тараканова С.А. 1950. О происхождении и времени возникновения Пскова // КСИИМК. Вып. XXXV. С.18–29.
- Тараканова С.А. 1951. Псковские курганы с трупосожжением (Доклад, прочитанный в секторе этногенеза народов СССР ИИМК 8 декабря 1949 г.) // КСИИМК. Вып. XXXVI. С.141–154.
- Тараканова С.А. 1954. Длинные и удлиненные курганы // СА. XIX. С.77–110.
- Тараканова С.А. 1956. Псковские городища // КСИИМК. Вып.62. С.33–44.
- Тараканова С.А. 1959. Себежские городища и курганы // Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М. С.111–127.

- Третьяков П.Н. 1941. Северные восточнославянские племена // Этногенез восточных славян. Т.1. (МИА. № 6). М.; Л. С.9–55.
- Третьяков П.Н. 1953. Восточнославянские племена. Изд. 2-е, перераб. и расшир. М.: Изд-во АН СССР, 312 с.
- Труды IV съезда в Костроме 1914. — Труды IV областного историко-археологического съезда в Костроме. Кострома.
- Хвоцинская Н.В. 1985а. Новые данные о длинных курганах восточного побережья Чудского озера // Новое в археологии Северо-Запада СССР. — Л.: Наука. С.28–33.
- Хвоцинская Н.В. 1985б. Погребальные памятники северного и северо-восточного побережья Чудского озера начала II тыс. н. э. // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий. Сб. статей под ред. Ю.Селиранда. Тл. С.168–178.
- Хвоцинская Н.В. 1997. К вопросу формирования древнерусской культуры на западе Новгородской земли (по материалам могильника Безьева) // Славяне и финно-угры. Археология, история, культура. СПб. С. 123 — 138.
- Хвоцинская Н.В., Прудько О.М. 1974. Раскопки курганов у дер. Залахтовье // АО 1973 г. М.: Наука. С.33–34.
- Чернягин Н.Н. 1941. Длинные курганы и сопки (археологическая карта) // Этногенез восточных славян. Т.1. (МИА. № 6). М.; Л. С.93–148.
- Шмидехельм М.Х. 1965. Курганные могильники в Линдора и других местах юго-восточной Эстонии // *Slaavi-läänemeresoome suhete ajaloo*. Из истории славяно-прибалтийско-финских отношений. / Под ред. Х.А.Моора и Л.Ю.Янитса. Тл.: Ээсти раамат. С.51–56.
- Шмидт Е.А. 1968. О смоленских длинных курганах // Славяне и Русь. М.: Наука. С.224–229.
- Штыхаў Г.В. 1992. Крывічы: Па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі. Мн.: Навука і тэхніка. 190 с.
- Штыхаў Г.В. 1999. Культура ранніх доўгіх курганоў (V–VII ст.ст.) // *Археалогія Беларусі*. Том 2. Жалезны век і ранняя сярэднявечча. Мн.: Беларускавая навука. С.376–384.
- Щукин М.Б. 1975. О некоторых проблемах черняховской культуры и происхождении славян (по поводу статей Э.А.Рикмана, И.С.Винокура, В.В.Седова и И.Вернера) // СА. №4. С.57–70.
- Щукин М.Б. 1987. О трех путях археологического поиска предков раннеисторических славян. Перспективы третьего пути // АСГЭ. Вып. 28. С.103–118.
- Щукин М.Б. 1989. Семь миров древней Европы и проблема этногенеза славян // Этногенез и этническая история (Междисциплинарные исследования). Межвуз. сборник. Л.: Изд-во ЛГУ. С.56–62.
- Андрияшев В.С. А-1928. Отчет об обследовании в Боровичском округе. АИИМК. Ф.2. Д.101.
- Гроздилов Г.П., Чернягин Н.Н. А-1928. Отчет, дневники и рисунки по разведкам в Лужском уезде. АИИМК. Ф.2. Д.107.
- Иванов Н.В. А-1928. Отчет об обследовании Гдовского района АИИМК. Ф.2. Д.115.
- Иессен А.А. А-1927. Отчет и карта маршрута разведок в Кингисеппском и Лужском уездах. АИИМК. Ф.2. Д.109.
- Койшевский Б.А. А-1928. Отчет об обследовании в Псковском округе. АИИМК. Ф.2. Д.117.
- Койшевский Б.А., Чернягин Н.Н. А-1929. Отчет об обследовании в Псковском округе. АИИМК. Ф.2. Д.124.
- Поршняков С.Н. А-1928. Отчет об обследовании Боровичского района АИИМК. Ф.2. Д.108.
- Чернягин Н.Н. А-1938. Отчет о раскопках в Псковском округе в 1938 г. АИИМК. Ф.35. Д.70.
- Чернягин Н.Н. А-1939. Отчет о раскопках курганов в Середкинском районе Псковского округа. АИИМК. Ф.35. Д.146.
- Чернягин Н.Н. А-1940. Отчет о раскопках курганов в Середкинском, Полновском и Гдовском районах Псковского округа в 1940 г. АИИМК. Ф.35. Д.35.
- Шульц П.Н., Гроздилов Г.П. А-1927. Отчеты, дневники и чертежи по разведке в Лужском уезде. АИИМК. Ф.2. Д.106.
- Шульц П.Н. А-1928. Отчет об обследовании Гдовского района. АИИМК. Ф.2. Д.114.
- Schmiedehelm M., Laul S. 1970. Asutusest ja etnilisest oludest Kagu-Eestis I. aastatuhandel // *Studia archaeologica in memjriam Harri Moora*. Тl.: Valgus. S. 154–164.